

Понсуй-Шило (беручи чарку) Щож? не плаче вже Омелько?

Гість IX. (на піднітці до Убого Брата).
Та хоч бувай розумний дівчі,
А без грошей, чоловіче,
Цілий зік повзтимеш зваду...
Поспитай усю громаду:
Гроші є — ти пан, людина,
А нема — ніщо! тварина!

У б. брат. Гроші?! що сміття! а ти...

Понсуй-Шило. (до Уб. Брата). Гроші треба берегти!
Іх не дурно люблять дуки!...
... Гроші це лани і луки,
Це — степів хвилясте море,
Як вітер тільки оре...
... Гроші — це озера сині,
Крики — співи лебедіні.
... Гроші це воли до пари,
На степах овець отари,
Що шляхами стелять хмари...

Гроші це — думки безмежні,
Рухи вільні, незалежні,
Ти не скутий, ти на волі,
Гей, лети, як вітер, в полі...

Гроші це — велика сила!!
Зносить згору, ломить крила,
Гне до долу, як билину,
Обертає ніщо людину...
... Жив і я колись злиденно,
Піт і сльози лив щоденно,
Був я посміхом у пана
І робив до ночі з рана.
Взяв шинок... узявсь за діло,
І рости, рости став Шило,
І тепер з мого корита
Ість і п'є сам пан Микита!
І тепер сміюсь я з пана!
Приблизь: „моя рещана!
Як вам йлось, як вам спалось,
Чи нічого не вважалось“?
Скажеш: „Сон приснився дивий!
Снизся Хам один великий,
Що, як добре всі ми знаєм,
Ще недавно був льокаєм“!
Зкривить, згорбить, скорчить, його:
„Це — нічого, це — нічого“...
І пов'ється, як гадюка...
Гроші... це — велика штука.

Гість III. Правду каже! що й казати?
Понсуй-Шило, дай обняти (цілує)

Гість VII. (п'яний) Кінь, як змія: держи за вожки,
А не вдержеш, — підеш пішки.

Гість VIII. І придача ж немаленька!..

Гість IX. Ну, так вип'єм за Омелька!

Гість II. Що там свате чарки ждати, —
Будем з пляшки випивати! (п'ють)

Гість X. (до сусіди) Цілуй мене у руку!
Цілувати мусиш дуку...
Що ж — цілуй! чи хочеш сварки?

У б. Брат. Не підносять навіть чарки,
Та все сунуть до порогу...
Що ж? збираймося в дорогу...
З'їв би... й де у їх сумліпня?!..
Стій! в кишені є насіння!
І насіння буде досить,
Коли брат за стіл не просить. (Лузає)

Гість X. Так не хочеш цілувати?
Забірайся геть із хати!

Гість II. Хіба ж хата ця — твоя?
П'яний ти! а... може й я...

Гість XII. Це насіння ти лузаєш? (протягає руку)

У б. брат (даючи). На, коли охоту маєш.

Гість II. І мені насіння, свате.

Гість VII. Я також люблю лузати

Гість VIII І мені дай, друже!

У б. Брат (даючи). Натей!

Ще хтось Сиди мені, та повзу жменю!

У б. Брат. Вже нема...

Гість II. А дай кишеню. (Лізе в кишеню)
Чом же ти не дав, як мав?
От-такій то світ настає!

У б. Брат (до Уб. Брата). Що ти? зовсім зілуду
збився, —

Тут лузати заходився,
Засмітив усю підлогу...
От тобі й лусти безрогу!
Цілий день сидить сьогодні, —
В тебе ж дома всі голодні!
Ждуть, що ти з свого зарібку
Принесеш хоч хліба скибку.
Ти хоч сердься за догану...

У б. Брат. Годі! Дякую за шану,
За гостини, частування, —
Не забуду до сконання! (виходе).

(За столом починаються сніни)

(Продовження буде).

Сказка Балыков.
(Прага).

Две атаки.

Медленно, сотня за сотней, взвод за взводом, в облаке густой дорожной пыли, с песнями и свистом, шутками и смехом втягивался Зенгарский полк в деревню, где ему выпало счастье простоять спокойно, без боев, больше недели.

Полк постарался должным образом использовать стоянку.

Казаки стирали белье, чинили амуницию, стриглись, мылись, козали лошадей, подкармливали их; ишме помогали квартирохозяевам молотить и веять хлеб, за что получали благодарность хозяек всякой снедью и не снедью. Командиры сотен приводили в порядок запущенные хозяйственные дела, некоторые из офицеров уселись ехать в Мелитополь и спустить там все деньги, а большинство, тщательно приодержавшись, похитавшись из сумок и надев заветные серебряные пирожны, надевши шпоры, наперебой ухаживали за местными „дивчатами“ и солдатами, которых здесь было не мало. А главное все своевременно спали, высыпались и ели.

Штаб полка стоял у местного фельдшера.

Когда командир полка с адъютантом, вестовыми и ординарцами подехали к отведенной им квартире, их

встретил квартирьер и, хитро улыбаясь, доложил, что здесь лошадей и вестовым места нет и что они будут во дворе через улицу.

— Почему ты такую неудобную квартиру выбрал? — спросил адъютант.

— Тут, господин сотник, дуже красивая барышня и много книг, — смело отвечал казак, видимо, знавший вкус своего начальства.

— А!.. он парень оказывается толковый, — заметил командир полка слезая с коня.

Отдав лошадей вестовым, командир и адъютант вошли в домик, очень чистый внутри и для деревни, прилично убранный.

Знакомясь с хозяевами они молча залюбовались красотой их дочери, — девушкой лет восемнадцати-двадцати.

Выше среднего роста, в меру полненькая, с привлекательно выраженными формами, она была зеля-коленно сложена. Роскошные, длинные, каштановые волосы были залетены в толстую косу. Огромные, темно-карие глаза, окаймленные длинными ресницами,

светились лаской и добротой. Густые брови были точно нарисованы художником.

Все красивое южно-русское лицо ее украшалось аккуратненькой, черной родинкой на губе, около правой ноздри ее правильного, так называемого точеного носика.

Познакомились с ней. Разговорились.

Голос ее был грудной — приятный, ласковый.

Смех тихий и мелкий. Она оказалась народной учительницей.

И командир и его молодой адъютант в тот же день, как говорится, вторились и принялись на пропалую за ней ухаживать.

Один был молодой сотник, на нем красовались новенькие серебряные погоны, на груди болтался аксельбант, на ногах звякали шпоры, но он был смуглолицый, узкоглазый калмык. Его соперник: молодой, красивый полковник, командир такого экзотического полка, как Зюнгарский, тонкий кадровый офицер с офицерским Георгием на груди и, едобавок, русский.

Красавица охотно и весело болтала и с сотником, но явное предпочтение оказывала она командиру.

Поняв всю безнадежность своих чувств, и видя, как серьезно увлекся его командир, адъютант на третий день перешел на другую квартиру и к командиру стал являться только по делам службы.

Полковник, как крот, засел дома и никуда не выходил.

Наконец, пришло приказание немедленно выступать.

Послав ординарца с приказанием по сотням, адъютант пошел к командиру с докладом. На его стук командир ответил не сразу; слышно было, как кто-то опустился на стул, а мягкие шаги другого человека удалились в соседнюю комнату.

Получив разрешение сотник вошел. Полковник сидел, но лицо его было бледно и рука протянутая за бумажкой слегка дрожала.

— Так... пишете приказание полку седлать и строиться на церковной площади, — рассеянно сказал он, прочитав приказание командира бригады.

— Приказание уже послано, господин полковник, — отвечал адъютант.

— Ага, ну так доложите, когда будет готов.

— Слушаю.

Полк, привыкший вылетать по тревоге, через четверть часа уже стоял на указанном месте.

Вернувшись к командиру вторично, сотник застал такую картину:

Полковник все сидел на том же месте, по другую сторону стола сидела хозяйская дочь, против них, у дверей — отец и мать ее. Все молчали и были в сильном смущении.

Когда адъютант доложил командиру, что полк готов, медленным, пеничим говором заговорила мать.

— Незна-аем... мы тебя роди-или, вырасти-или, дали образование, как могли, а теперь, ты уже сама не маленькая, понимать можешь все... Как живут те женщины, что при полках, ты видишь... Нравится тебе их жизнь — на тачанках, езжай. Люди они чужие, дальние, сегодня здесь, а завтра Бог знает где... решай сама, а мы благословить тебя не можем.

Водворилось тягостное молчание.

— Нет, — наконец, твердо выговорила дочь, — я не поеду... вы меня простите, я остаюсь.

— Жаль... извините... — пробормотал полковник и, сухо распрощавшись, вышел.

Не здороваясь с полком, невнятно дав „вольно“, мрачно пошел он полк.

За всю дорогу, продолжавшуюся около часа, он не издал ни единого звука, кроме нескольких глубоких вздохов.

Когда подошли к указанному в приказе гребню, красные, неизвестно под чьим давлением, медленно, в порядке отступали дзюма длинными цепями.

„Таким цепью одним полком не атакуешь“, — думал адъютант разглядывая красных в бинокль.

Увиден полк, противник подался влево, стучая цепь. — Полк!.. строй фронт!.. маррри! — неожиданноскомандовал командир.

Стуча пиками, позванивая стременами, на рысях перестроился полк.

— Зюнгарцы!.. непременно дойти! За мной, ура! — заорал командир бросаясь вперед, размахивая палашом.

— Урааа! -а! а-аа! — подхватил полк, разворачиваясь на намете.

Загребая выстрелы со стороны красных, затакал пулемет, с противным „дзинь! дзинь!“ Ударяясь о землю и подымая пыль жужжала пули, но зюнгарцы стремительно пересекли долину, поднялись на бугор и, захватывая фронтом конец красной цепи роты в две, стали доходить до противника.

Выстрелы трещали.

По следам Зюнгарского полка, там и сям, виднелись идущие обратно пешие люди с седлами на спине, одного убитого везли два казака на коне, положив поперек седла, уныло стояли раненные лошади, лежали убитые.

Впереди полка, с разинутым ртом, горящими глазами, мчался полковник.

Вдруг, стрельба в лоб полку затихла, конец цепи оторвавшись от остальной части заметался, забежали люди, быстрее двинулся полк, чаще засверкали шашки, громче раздалось „ура!“ и миг... все смешалось.

Через минуту — две, Зюнгарцы, подгоняя шайку пленных, на рысях стали отходить обратно.

В середине полка, поддерживаемый казаком под руку, ехал раненный командир.

Ноги его болгались без стремян, он сидел сторбившись и держась руками за луку.

Приблизив на ночлег в другую деревню, и узнав, что полковник еще не отправлен, адъютант побежал к нему попроситься.

— Потерь много? — спросил первым делом раненный.

— Убит один казак, ранено пятеро; офицеров, кроме вас, ранено еще двое, но оба легко и остаются в строю; лошадей убито шесть, ранено девять.

А пленных сколько?

— Пленных сто девяносто, — докладывал адъютант.

— Молодцы Зюнгарцы... я не думал, что они на этот раз выдержат такой огонь и дойдут за мной, — медленно и тихо проговорил командир полка морщась от боли.

— Рана серьезная, г. полковник? — спросил сотник.

— В коленную чашечку, гаршивая рана, — сказал стоявший тут же доктор.

— Сволочи... не могли убить. Вы, сотник, пошлите завтра казака с этой запиской; можете чигать; вы знаете, — проговорил раненный, протягивая адъютанту маленький клочек бумаги, когда кучер уже готовился трогать лошадей.

— Ну прощайте, сотник, едите на моем жеребце, — добавил полковник, протягивая ему руку и давая знак трогать лошадей.

Прошло четыре-пять месяцев. Когда Зюнгарский полк был в Кабадже, в Турции, в штаб полка пришло известие, что полковник Б. после ампутации ноги умер в Константинопольской больнице.

1927 г.

Рукописи, присылаемые в редакцию, должны быть четко написаны на одной стороне листа.